

РОССИЯ И ИРАН: СТРЕМЛЕНИЕ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ ЧЕРЕЗ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАПАДУ

Аннотация

Исследование направлено на изучение сходства ревизионистской позиции России и идеологии сопротивления Ирана в их общем противостоянии гегемонии США. Предлагается анализ идеологического сходства и того, как общие взгляды влияют на политику и аргументы в пользу многополярного мира вместо западной международной системы. Актуальность изучения этой темы важна не только для Ирана, России и США, но и для всего мира, особенно для Ближнего Востока и Европы.

Ключевые слова: идеологическое сопротивление, многополярный мир, альянсы и сети поддержки, Россия, Иран, США.

Автор

Саид Хаваринежад

Политический эксперт, аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета Фуман, Иран

Проблематика

Идеологические споры Ирана и России с атлантистской Америкой за многополярный мир против западной гегемонии проявились в различных областях, включая политику, право, вооруженные силы, безопасность, экономику и общество, существенно повлияв на стратегическую динамику и взаимодействие между этими государствами и международной системой. Данное исследование направлено на изучение сходства ревизионистской позиции России и идеологии сопротивления Ирана, особенно в их общем противостоянии гегемонии США. Предлагается проанализировать идеологические сходства и изучить, как общие взгляды влияют на политику и аргументы в пользу многополярного мира вместо западной международной системы. Актуальность изучения этой темы важна не только для Ирана, России и США, но и для всего

мира, особенно для Ближнего Востока и Европы.

Полученные данные

И Россия, и Иран разделяют общую непримиримость к «коллективному Западу», чьи ценности и стратегические цели они воспринимают как враждебный идеологический вызов, который может поставить под угрозу их социальную сплоченность и политическую стабильность. Отличия Москвы и Тегерана от Запада коренятся в их историческом и культурном опыте [11]. Их отношения определяются временными интересами и общими вызовами, в частности противостоянием односторонней западной международной системе. Эти две страны разделяют общую озабоченность сохранением политического режима. Они столкнулись с внутренними потрясениями и международными санкциями, что привело их к формированию представлений, основанных на стойкости,

самодостаточности и сопротивлению. Выживание иранского режима перед лицом давления США является сложной проблемой, на которую влияет целый ряд внутренних и внешних факторов [7]. США воспринимаются как серьезная угроза для России, обвиняются в подрыве стабильности и прав человека в России [2]. Российский режим сосредоточен на своем сохранении, что является важнейшей движущей силой российской внешней политики [3].

У Кремля и Тегерана общая геополитическая цель: выступить против международного порядка, в котором доминирует Запад. Это видно из их совместных инициатив по обходу западных санкций и сотрудничества в таких конфликтах, как войны в Сирии и на Украине. С начала 2000-х годов Россия и Иран работали в тандеме, создавая глобальную сеть солидарности со странами, столь же далекими от западных держав. Вторжение на Украину также сблизило Китай и Северную Корею, и обе страны поддержали Россию [6]. Связи Москвы с Венесуэлой были продиктованы желанием России расширить свое региональное влияние [9]. Использование Ираном прокси-групп на Ближнем Востоке, особенно тех, которые преследуют антиамериканские цели, является важнейшим компонентом его внешнеполитической стратегии [8]. Задействование марионеточных сил, в основном афганских и пакистанских шиитских группировок, стало важным фактором в его региональной стратегии. Отношения Ирана с «Хезболлой» являются важнейшим компонентом его региональной стратегии, особенно в контексте его соперничества с США, Израилем и Саудовской Аравией [4]. Иран инвестировал в йеменских хуситов и превратил их в устойчивую марионеточную группировку.

Обсуждение

У России и Ирана есть общий опыт противостояния западному мировому

порядку. Есть сходство в их исторических траекториях, идеологическом развитии и реакции на политику США. Россия и Иран разработали идеологии сопротивления гегемонии Запада. Они стремятся пересмотреть или бросить вызов существующему мировому порядку, в котором доминируют США и их союзники, выступая за многополярный мир.

Наиболее важными общими чертами российского ревизионистского и иранского подходов сопротивления в их идеологическом конфликте с гегемонией атлантизма Соединенных Штатов в международной системе являются: 1) общая непримиримость, 2) сохранение режима, 3) вызов порядку, в котором доминирует Запад, и 4) создание глобальных сетей союзников и доверенных лиц. Сходство между ревизионистским подходом Российской Федерации и идеологией сопротивления в Иране привело к дальнейшему сотрудничеству между двумя странами в ответ на предполагаемые угрозы, исходящие от Соединенных Штатов в международной системе, особенно в соседних регионах, в которых у них были жизненно важные интересы в области безопасности.

Идеологии России и Ирана формируют их международные отношения не только с Соединенными Штатами, но и со всем остальным миром. Москва и Тегеран в последнее время столкнулись с серьезными вызовами, включая внутренние политические потрясения и международные санкции. Эти вызовы заставили обе страны развивать и укреплять свои взгляды на жизнестойкость, самодостаточность и сопротивление. В условиях международных санкций обе страны стремились укрепить свою национальную промышленность и снизить зависимость от иностранных товаров и услуг. Это было представлено как форма сопротивления внешнему давлению, и демонстрация их способности выживать и процветать несмотря на это давление.

Литература

1. *Bartles C.K.* Russian Threat Perception and the Ballistic Missile Defense System // *The Journal of Slavic Military Studies*. — 2017. — 30(2). — P. 152–169.
2. *Gaufman E.* The USA as the Primary Threat to Russia // *Security Threats and Public Perception. Digital Russia and the Ukraine Crisis* / Ed. E. Gaufman. — Palgrave Macmillan, Cham., 2017. — P. 77–102.
3. *Herd G.P.* Russia's Hybrid State and President Putin's Fourth-Term Foreign Policy? // *The RUSI Journal*. — 2018. — 163(4). — P. 20–28.
4. *Kuznetsov A.* The Shi'a movements and proxy groups in context of the Middle Eastern policy of the Islamic Republic of Iran // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremenost*. — 2023. — (2). — P. 119–130.
5. *Layne C.* Regime Change: U.S. Strategy Through the Prism of 9/11 // *Perspectives on Politics*. — 2007. — 5(4). — P. 870–871.
6. *Pacheco Pardo R., Kim Y.I.* Russia's Invasion of Ukraine and China — North Korea Relations // *Asian Survey*. — 2022. — 62(5–6). — P. 920–944.
7. *Parsa M.* Authoritarian Survival: Iran's Republic of Repression // *Journal of Democracy*. — 2020. — 31(3). — P. 54–68.
8. *Roomi F., Kazemi E.* The Place of Proxy Groups in the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran // *World Politics*. — 2021. — 10(1). — P. 131–162.
9. *Stepanov A.* Military-technical cooperation between Russia and Latin America at the present stage (cases of Venezuela, Peru, Brazil) // *Cuadernos Iberoamericanos*. — 2019. — (3). — P. 59–64.
10. *Saad A.* Challenging the sponsor-proxy model: the Iran–Hizbullah relationship // *Global Discourse*. — 2019. — 9(4). — P. 627–650.
11. *Tazmini G.* Parallel Discursive Fields in Pre-Revolutionary Russia and Iran: The West as a Model or an Anti-Model // *British Journal of Middle Eastern Studies*. — 2021. — 50(2). — P. 465–485.